

УДК 316.3
316.252
316.47

ВАЛЕРИЙ КАЗАКОВ,

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела истории и теории социологии Института социологии НАН Украины

Николай Кондратьев: проблема новой науки

Аннотация

В статье анализируется теоретизирование Н.Кондратьева как выдающегося экономиста, социолога и философа. И сам Кондратьев, и многие исследователи его творчества считают, что он ставил своей целью создать некую новую науку (социальную экономию, социальную или экономическую генетику и т.д.). С его точки зрения, для решения этой проблемы необходимо было дать ответ на очень сложный вопрос: что такое общество? Поскольку наука представляет собой единство объекта, предмета и специфического метода, постольку установление их определяет конкретные цели и задачи науки, разграничивает науки общие и специальные, предлагает решение проблемы бесконечности в научном познании. В силу того, что общим объектом социальных наук является общество, важнейшей задачей их следует признать его сущностное понимание.

Ключевые слова: наука, объект, предмет, новая наука, общество, философия, социология, политическая экономия, социальная экономия, генетика, метод, бесконечность в научном познании

В настоящий момент, в условиях все более развивающегося и углубляющегося глобального финансово-экономического и социально-политического кризиса многие ученые и политики пытаются объяснить его причины, механизм протекания, стремятся предвидеть его возможные последствия, а также найти пути выхода из него. Однако, как утверждают доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник ИМЭМО А.Салицкий и первый вице-президент ОАО “Газпромбанк” В.Таций, именно “в периоды мировых финансово-экономических кризисов особенно остро ощущается недостаток взвешенных оценок происходящих событий” [Салицкий, Таций, 2011: с. 72]. Кроме того, они считают, “что вся система оценок (рейтингов), которой привыкли руководствоваться политики и бизнесмены, находится те-

перь в полуаварийном состоянии” [Салицкий, Тацкий, 2011: с. 72], что всю многочисленную беллетристику, рожденную “мэйнстримом”, под которым они понимают неолиберализм, необходимо архивировать и что всякого рода его теоретические производные должны претерпеть значительную девальвацию. То есть необходим иной подход к объяснению современности, к раскрытию сущности и содержания протекающего кризиса, собственно говоря, необходимы иные теории, концепции, категории и концепты, которые оказались бы способны дать “взвешенные оценки происходящих событий”. И не только оценки, но и предложения насчет эффективных действий по выходу из кризиса, а также прогнозы относительно их последствий. Одним словом, не только теоретики, но и практики, бизнесмены говорят о необходимости новых теорий, имеющих в большей степени практический характер.

В этом плане представляется весьма актуальным обращение к различным идеям русско-советского мыслителя первой трети XX века Николая Дмитриевича Кондратьева (1892–1938). Академик РАЕН Ю.Яковец, например, констатирует, что “каждый раз, когда мировая экономика переживает глубокий кризис, связанный с переходом к очередному Кондратьевскому циклу, вспыхивает интерес к наследию ученого” [Яковец, 2002б: с. 18].

Этот факт, вероятно, вызван рядом обстоятельств. Во-первых, теория циклов Кондратьева (как бы ее ни называли) во многом направлена на выявление причин и механизмов протекания долгосрочных (и иных) экономических и социально-политических кризисов. Во-вторых, его теория представляет собой специфическую методологию прогнозирования возможных вариативных последствий кризиса, а значит может послужить средством и методом практического воздействия на него. В-третьих, следует отметить, что Кондратьев был одним из создателей и участников введения в денежное обращение так называемого “советского (золотого) червонца”, который стал одним из эффективных средств вывода экономики Советской России из кризиса начала 20-х годов XX века. Например, сотрудники Конъюнктурного института, которым руководил Кондратьев, по его собственным словам, приняли в ходе осуществления денежной реформы “деятельное участие в работах по первоначальному установлению курса рубля” (цит. по: [Ефимкин, 1991: с. 134]), — “червонца”. Более того, “они напряженно работали над выяснением возможностей, сроков и методов проведения реформы” [Ефимкин, 1991: с. 134]. То есть собственно Кондратьев не просто теоретически выявлял и объяснял причины конкретного экономического кризиса, не просто предлагал конкретные меры по выходу из него, но и активно участвовал в их эффективной реализации. Перечисленные обстоятельства становятся еще более значимыми в ситуации постепенного формирования “в обществе и в научной среде представлений о возможности и необходимости воздействия на циклический процесс” [Макашева, 2002: с. 743] при условии наличия у акторов адекватных и наиболее полных знаний о цикле и кризисе. В общем идеи Кондратьева являются в настоящий момент чрезвычайно актуальными, а задача их исследования — весьма значимой.

Вместе с тем актуализация исследования творчества Кондратьева обусловлена еще рядом обстоятельств. Так, в современной научной литературе довольно широко распространена точка зрения о том, что его идеи изучены и недостаточно, и неполно. Интерпретации идей Кондратьева в научной литературе весьма противоречивы, что, впрочем, не удивительно. Противоречивы

ответы на, казалось бы, самые простые вопросы относительно сущности и содержания его идей. Например, что было создано Кондратьевым в первую очередь: теория, объясняющая реальную действительность, в том числе и конкретно существующую в данный момент (как и в прошлом) в мире и в конкретной отдельной стране или теория-метод познания, являющаяся лишь средством их исследования (см.: [Леонтьев, 1990: с. 216; Паллавичини, 2002: с. 9 и другие]). Можно сказать, что Кондратьев создал и то, и другое, но многие исследователи, упоминая “циклы Кондратьева”, не уточняют, в каком смысле они, собственно, о них говорят или пишут — в смысле теории (онтологии) или метода (гносеологии). Далее, если Кондратьев создал в первую очередь метод, то какой? Теоретический или эмпирический, а если последний, то какой: экономико-статистический или социологический? Если он создал теорию циклов изменения реальности, то каких циклов? Больших циклов (акцент делается на их пространственной распространенности) или длинных циклов (акцент делается на их временной длительности), если речь идет о циклах изменений, то чего? Перечень вопросов можно продолжить, но исследователи, как правило, ответы на эти вопросы не актуализируют.

С другой стороны, как правило, в научной литературе Кондратьев интерпретируется как экономист — “выдающийся экономист XX столетия” и т.д. Однако можно сказать, что это не совсем точно, если вообще верно. В предисловии к своей первой научной монографии “Развитие хозяйства Кинешемского земства Костромской губернии (социально-экономический и финансовый очерк)” (1915) Кондратьев, например, писал: “Являясь сторонником научных обобщений и стремлений вскрыть закономерность *социальных явлений* (курс. мой. — В.К.) и в этом смысле не удовлетворяясь результатом работ исторической школы в области экономических наук, мы, однако, полагаем, что обобщения и законы могут быть постепенно построены и открыты лишь на пути изучения самой *социальной действительности* (курс. мой. — В.К.), на пути, следовательно, собирания, классификации и обработки конкретного материала при помощи индукции, обратной дедукции и т.п. приемов” (цит. по: [Ефимкин, 1991: с. 23]). То есть Кондратьев акцентирует свое внимание не на “чисто” экономических, а на социальных явлениях вообще. Можно даже высказать, пожалуй, дискуссионное предположение, что свою научную деятельность он хотел начать скорее как социолог, а не как экономист. Поэтому исследование его идей сквозь призму социологии представляет собой очень актуальную задачу.

Следует также отметить, что Кондратьев был учеником и личным секретарем “отца русской социологии” М.Ковалевского. После смерти Ковалевского он стал одним из сосоздателей учредительного комитета Социологического общества, результатом работы которого явилось принятие 13 ноября 1916 года на учредительном собрании устава первого в России Социологического общества им. М.М.Ковалевского. Его ученым секретарем стал Кондратьев [Фигуровская, Симонов, 1991: с. 7], а само общество послужило фундаментом для открытия в 1919 году кафедры социологии Петроградского университета [Согомонов, 1992: с. 10].

Можно много писать и говорить о личной и длительной дружбе Кондратьева с Питиримом Сорокиным (по некоторым данным, с 1903 года [Фигуровская, Симонов, 1991: с. 3]), их политическом и научном сотрудничестве, которое дает основания поставить вопрос: где, собственно, истоки идеи

цикличности — цикличности социальных, социокультурных, социально-экономических, экономических и иного типа изменений. Как известно, работа П.Сорокина “Социальная мобильность” вышла в 1927 году, а его четырехтомная “Социальная и культурная динамика” — в 1937–1941 годах. В первой из них Сорокин ссылается на работу Кондратьева “Большие циклы конъюнктуры”, опубликованную в № 1 журнала “Вопросы конъюнктуры” за 1925 год [Сорокин, 1992: с. 313].

Широко использует Сорокин и понятие “социальная генетика”, понимая под ней один из четырех разделов социологии. Она должна изучать происхождение и развитие общества, основные тенденции его поступательного изменения, а также объяснять отклонения и отступления от этих тенденций. Считается, что термин “генетическая социология” (“социальная генетика”) Сорокин позаимствовал у М.Ковалевского. Он определял ее как “ту часть науки об обществе, его организации и поступательном ходе, которая занимается вопросом о происхождении общественной жизни и общественных институтов, каковы: семья, собственность, религия, государство, нравственность и право, входящие на первых порах в состав одного и того же понятия дозволенных действий в противоположность действиям недозволенным” (цит. по: [Громов, Мацкевич, Семенов, 1997: с. 202]).

Кондратьева тоже интересовала проблема социальной генетики. Он, например, считал, что экономическую действительность номографическая теория рассматривает с точки зрения статистики, динамики и генетики, но современная ему методология экономической науки, по его мнению, не знает экономической генетики. Кондратьев и планировал создать вместе с экономической статикой и экономической динамикой теорию экономической генетики, чего он, как считается, не успел сделать, но, по мнению ряда исследователей, он частично использовал генетический метод для разработки планов и построения иных перспектив. Некоторые ученые даже предлагают свои трактовки понимания Кондратьевым “генетического метода”, или “генетического начала”. Так, Э.Корицкий пишет: “Кондратьевское понимание плана комплексно, оно включает в себя телеологическое и генетическое начала, то есть сводится к необходимости построения перспектив на основе учета определенных целей и пожеланий, а также на основе анализа объективной действительности и реальных плановых заданий, даже если они субъективно нас не очень удовлетворяют” [Корицкий, 1989: с. 85]. В то же время Р.Яновский утверждает, что Кондратьев “защищал концепцию “генетического подхода”, в основе которого лежат объективные законы и тенденции экономического, социального, культурного и духовного развития” [Яновский, 2004: с. 13].

Однако приведенные высказывания не дают полного представления о понимании Кондратьевым генетической социологии, или социальной генетики.

Многие исследуемые Кондратьевым проблемы близки или тождественны проблемам, изучаемым Максом Вебером, работы которого, вероятно, он хорошо знал, так как периодически ссылается на них. Например, их обоих интересует проблема, которую можно условно определить как *проблему “бесконечности”* (“конечности”) — то есть бесконечности и многообразия реальности (действительности) и бесконечности ее познания. Другой стороной этой проблемы являются вопросы об абстрактности и конкретности, универсальности и уникальности, индивидуальности и историчности и т.п.

Вебер, в частности, пишет, что жизнь, действительность предстает перед нами как “бесконечное многообразие явлений”. Более того, “абсолютная бесконечность такого многообразия остается неизменной в своей интенсивности и в том случае, когда мы изолированно рассматриваем отдельный ее “объект” (например, конкретный акт обмена), как только мы делаем серьезную попытку хотя бы только *исчерпывающе* описать это “единичное” явление во всех его индивидуальных компонентах, не говоря уже о том, чтобы постигнуть его в его каузальной обусловленности” [Вебер, 1990: с. 369].

Кондратьев, в свою очередь, пишет: “Действительность, которая дана нам в непосредственном восприятии и на которую направлено наше познание, всегда дана нам в ее конкретном виде. Но действительность, взятая в ее конкретном виде, бесконечно многообразна. Она безгранична в пространстве, беспредельна во времени и необозримо сложна в пределах каждого данного конечного отрезка” [Кондратьев, 1991б: с. 126].

Можно сказать, что указанная проблема в некотором плане является для них исходной, служащей некой базой для дальнейших исследований и создания своих теорий, однако решение данной проблемы у них различно.

Вебер решает эту проблему в целом посредством создания теории идеального типа, а более конкретно — посредством указания на ряд его специфических характеристик. Среди них — создание идеального типа, исходя из степени значимости для познающего субъекта тех или иных качеств многообразной действительности. Иначе говоря: субъект познает не все, не всю бесконечную действительность, а только ту ее часть, которую признает значимой для себя, исходя из своих интересов и “ценностных идей культуры”. Вебер, в частности, указывает, что невозможность и бесконечность познания “бесконечности множества” превращает познание в хаос. Вместе с тем “порядок в этот хаос вносит *то* обстоятельство, что интерес и *значение* имеет для нас в каждом случае лишь часть индивидуальной действительности, так как только она соотносится с *ценностными идеями культуры*, которые мы прилагаем к действительности. Поэтому только определенные стороны бесконечных в своем многообразии отдельных явлений, те, которым мы приписываем общее *культурное значение*, представляют для нас познавательную ценность, только они являются предметом каузального объяснения” [Вебер, 1990: с. 376].

Кондратьев предлагает другое решение. Коротко и схематично его можно выразить так: бесконечность познания преодолевается посредством изменения его объекта и предмета, а главное — изменения метода познания, метода науки. При реализации бесконечности научного познания изменяется сама наука. Она идет или по пути конкретизации и индивидуализации объекта и предмета, от общего к частному, от неких общих наук к более частным, специфическим, специальным. Или же она идет по пути абстрагирования — от частного к общему, от конкретных наук к более общим, а затем в конечном итоге — к философии. Таким образом, объект и предмет науки (познания), а главное — ее метод ограничивают бесконечность познания, являются некоторыми рамками, в которых существует данная конкретная наука. Выход за эти рамки или их изменение означает и изменение самой науки, ее объекта и предмета.

Собственно, последний из указанных путей в своих научных изысканиях прошел и сам Кондратьев. Исходя из этого, его научное творчество весьма условно можно разделить на три периода.

Три периода творчества Кондратьева

Первый период, от начала научного творчества до рубежа двадцатых годов XX века. В течение этого времени Кондратьев в основном предстает как экономист-эмпирик, который видел свою задачу в исследовании фактического (реального) изменения конъюнктуры, в первую очередь, на базе статистических данных. Реализовывалось это путем изучения движения цен на сельскохозяйственную продукцию, в основном — на хлеб. Главным итогом этой работы стали его монографии “Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции”, а также “Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны”, обе изданные в 1922 году. Однако считается, что первая из них была написана в 1918–1919 годах [Фигуровская, Симонов, 1991: с. 20]. Уже в этой книге Кондратьев пишет о “повышательном движении цен”, о “полосе повышательной конъюнктуры”, о “мировом повышении цен” [Кондратьев, 1991а: с. 115–117] и т.д. То есть собственно эмпирико-статистические исследования Кондратьева как эмпирика-экономиста привели его к неким теоретическим обобщениям в сфере экономических наук. Именно они стали своеобразной базой для создания им в последующем концепции больших циклов конъюнктуры, так как фиксировали чередование периодов высокой и низкой конъюнктуры, как в России, так и во всем мире в целом. Собственно, идея больших циклов у Кондратьева стала выкристаллизовываться еще в его работе “Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции”, а уже в монографии “Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны” он стал решать, как считает Макашева, “задачу статистического обоснования существования феномена больших циклов” [Макашева, 2002: с. 749] и кроме того предложил некую гипотезу, предполагающую найти их объяснение.

Второй период относится к 20-м годам XX века, когда, продолжая начатые ранее исследования, Кондратьев предстает уже не только как экономист-эмпирик, но и как эмпирик-социолог, делающий важнейшие выводы в сферах теоретической экономики и теоретической социологии, выдвигающий в их рамках ряд концепций и теорий. К ним можно, например, отнести теорию больших циклов конъюнктуры [Кондратьев, 1928], уже упомянутую теорию предвидения и методологию перспективного планирования, а также ряд иных концепций и теорий. Собственно, в них уже проявляется интерес Кондратьева к некоторым проблемам философии, особенно такой ее сферы, как гносеология.

В этот период Кондратьев проявил себя именно как социолог-эмпирик. Работникам руководимого им Конъюнктурного института, так называемым регистраторам цен (интервьюерам), как вспоминает его бывший сотрудник А. Конос, “было вменено в обязанность прицениваться к товарам, выдавая себя за покупателей, и даже вступать с продавцами в торг. Таким образом регистраторы определяли ту цену, которая устанавливается в большинстве сделок, не прибегая к массовому опросу и ограничиваясь 3–4 продуктами” (цит. по: [Ефимкин, 1991: с. 132]). С 1921 года регистраторы цен вели наблюдение на Смоленском, Тишинском, Сухаревском рынках Москвы. На основе полученной информации выводилась средняя арифметическая цена товара. В других городах цены регистрировали работники местных финансовых органов, а информацию о них сообщали в институт Кондратьева. На ее основе рассчитывались и публиковались всероссийский и всесоюзный

розничные индексы цен Конъюнктурного института. “Последний из этих индексов представлял собой взвешенную среднеарифметическую величину изменений цен 35 товаров на рынках 40 крупнейших городов СССР, исчисленную с применением цепного метода” [Ефимкин, 1991: с. 132]. С июля 1922 года московский индекс оптовых цен стал исчисляться более чем по ста товарам. Еще ранее, в декабре 1921 года Кондратьев опубликовал статью “К вопросу об исчислении чисел показателей”, первую в советской литературе работу по проблемам теории и методологии исчисления индексов (Index Numbers, чисел-показателей). С лета 1922 года стал издаваться “Экономический бюллетень Конъюнктурного института”, редактором которого был Кондратьев и в котором стали публиковать информацию, полученную институтом. Благодаря этим публикациям работа Конъюнктурного института была замечена даже в США, о ней, в частности, писал “Журнал Американской статистической ассоциации”, а Кондратьев как ученый получил мировое признание. Он был избран членом Американской ассоциации социальных наук, Американской экономической ассоциации, Американского социологического общества, Лондонского королевского статистического общества и еще ряда других научных обществ.

Третий этап, тридцатые годы XX века, период заключения Кондратьева сначала в Бутырской тюрьме (Москва), а затем в Суздальском политизоляторе. В эти годы он предстает как философ, крупный теоретик в сфере социальных и экономических наук. В это время его творчество развивается параллельно и одновременно в трех планах или трех направлениях. Отчасти это обусловлено отсутствием необходимой литературы, разными местами содержания, болезнью и т.д.

Три направления исследований “позднего” Кондратьева

Первое направление. В заключение Кондратьев стал больше (чем раньше) внимания уделять математике. В своих письмах он неоднократно отмечает: “...занимаюсь математикой, теорией вероятности, математической статистикой” [Кондратьев, 1991б: с. 535]. Или пишет: продолжаю “углубляться в науку, в математику, в теорию вероятностей и т.д.” [Кондратьев, 1991б: с. 538]. Он конструирует и пытается решить некие системы математических уравнений [Кондратьев, 1991б: с. 547]. В письме из Суздаля от 11 июля 1934 года он пишет: “После длительной проверки я пришел к выводу, что уравнения составлены и решены верно... я склонен думать, что составление и решение упомянутых уравнений *представляет собой в полном смысле слова открытие*, которое позволяет построить совершенно новый, в высшей степени увлекательный и важный раздел теоретической экономики и притом на строгих и точных основаниях. Мне удалось получить чрезвычайно простую формулу, которая позволяет, если даны какие-либо две основные величины, характеризующие состояние и изменение народного хозяйства во времени, например, количество самодеятельного населения и сумма национального капитала, достаточно точно путем простого вычисления определять (и предсказывать изменения) все другие величины хозяйства” [Кондратьев, 1991б: с. 547–548]. Вероятно, можно сказать, что результаты этих “углублений” нашли некоторое отражение в работе Кондратьева “Модель экономической динамики капиталистического хозяйства. Тезисы неизданной работы” [Кондратьев, 1989: с. 412–415].

В другом своем письме от 15 августа 1934 года, раскрывая содержание своей научной деятельности, он пишет: “Моя работа была посвящена проблеме динамики расширенного воспроизводства... Работа велась при помощи строго количественного метода... я построил систему дифференциальных уравнений в частных производных. Интегрируя их, я получил ряд простых формул, которые в соответствии с упомянутыми предпосылками, в строгой форме выражают закон общей динамики расширенного воспроизводства для капиталистического общества..., полученные формулы, по-видимому, позволяют достаточно точно *устанавливать фазу развития*, достигнутую данным анализируемым хозяйством, *определять степень отставания в развитии* одной страны от другой (в силу закона неравномерного развития, [с]формулированного Лениным) и *усовершенствовать приемы анализа* явлений общего кризиса капиталистического хозяйства” (курс. мой. — В.К.) [Кондратьев, 1991б: с. 551–552].

Собственно, Кондратьев пытался перевести некоторые свои теоретические идеи, результаты исследований, обобщения и выводы, имеющие качественный характер, на язык математики.

Второе направление. Кондратьев, опять же неоднократно, пишет в своих письмах о том, что он “был бы в состоянии написать обширную работу, где изложил бы довольно целостную и законченную теоретическую систему” [Кондратьев, 1991б: с. 537]. У него были “широкие” научные планы, которые он излагает (раскрывает) по-разному. В одном варианте он пишет о своем желании написать сначала, по крайней мере, четыре книги, которые вместе составили бы некую единую систему. Затем он собирался “написать еще две книги, из которых одна должна бы подвести принципиальные основания под все построения, а вторая обобщить их” [Кондратьев, 1991б: с. 543]. В другом варианте он сообщает о своем желании написать пять книг. В частности, он пишет, что, как только закончит книгу о тренде, начнет писать “книжку о больших колебаниях, план которой и содержание для меня вполне ясны. Затем буду писать книгу о малых циклах и кризисах. А после этого *вернусь к вводной общеметодологической части*, которую в черновиках *передал* тебе. И, наконец, закончу все пятой книгой по синтетической теории социально-экономической генетики” (курс. мой. — В.К.) [Кондратьев, 1991б: с. 554]. То есть в этом случае Кондратьев хотел написать пять книг: а) книгу о тренде, б) книгу о больших колебаниях, в) книгу о малых циклах и кризисах, г) книгу по общеметодологической части его исследований, д) книгу по синтетической теории социально-экономической генетики или развития. Оценивая эти планы Кондратьева, Яковец определяет их как “грандиозный замысел” и “системное изложение новой теории” [Яковец, 2002а: с. 712].

О тренде. В процессе реализации этих планов Кондратьев постоянно в своих письмах из Суздаля сообщает о том, что пишет или продолжает работать над книгой о тренде [Кондратьев, 1991б: с. 541, 543, 548, 553 и т.д.]. С его точки зрения: “Эта проблема имеет ближайшее отношение к возможности развития человечества в отношении *экономического благосостояния в длительной перспективе* (курс. мой. — В.К.)” [Кондратьев, 1991б: с. 543].

Данная точка зрения Кондратьева имеет важное значение. Однако что же такое тренд и что, собственно, понимал сам Кондратьев под трендом?

Тренд (англ. *trend*) — это тенденция. Обычно речь идет о некоей основной тенденции изменения определенного *временного количественного ряда*. Раз-

личают два вида тренда: восходящий и нисходящий. Тренды могут быть описаны различными математическими уравнениями — линейными, логарифмическими, степенными и т.д., что, собственно, и осуществлял Кондратьев. В форме теории большого цикла конъюнктуры он и создал, по существу, *теорию пятидесятилетнего тренда конъюнктуры*, исследуя статистические временные ряды цен. Поэтому поднятый выше вопрос принимает форму: писал ли Кондратьев (в 1934) о *тренде экономического благосостояния человечества* в длительной перспективе и какова временная длительность этой “длительной перспективы”, ведь о тренде длительностью в пятьдесят лет Кондратьев уже написал ранее?

Интересна в этом плане точка зрения Броделя, который указывал: “...не существует более длительного циклического движения, чем *вековая тенденция (trend)*, которая на самом деле столь мало изучена и к которой я скоро вернусь, чтобы рассмотреть ее более тщательно. До тех пор пока она не будет досконально изучена, пока она не будет воссоздана во всем своем значении, история конъюнктур остается ужасающе неполной, несмотря на множество трудов, вдохновленных ею” [Бродель, 1992: с. 67]. Возможно, Бродель, исследуя конъюнктурные ритмы, зафиксировал столетние циклы с некими трендами? Или же он просто высказал гипотезу о их возможном существовании? Не сделал ли Кондратьев такое же предположение о существовании вековых (столетних) циклов или его “длительная перспектива” подразумевает более длительные временные рамки?

Последнее предположение об исследовании только столетних трендов отчасти опровергает и сам Кондратьев. В частности, он утверждает, что для книги по теории тренда он уже “закончил следующие главы: Гл. I. Основные проблемы экономической динамики. Гл. II. Тренд, или проблема экономической динамики. Гл. III. Состояние учения о тренде в теории социальной <?> экономики”. И далее: “Сейчас я пишу Гл. IV. Стохастический анализ временного ряда и проблема тренда” [Кондратьев, 1991б: с. 553–554]. Последнюю главу Кондратьев называет и по-другому: “Стохастический анализ временного ряда и определенные формы тренда” [Кондратьев, 1991б: с. 555]. Эта глава посвящена “теоретико-вероятностному обоснованию приемов установления тренда по эмпирическим данным после того, как общая форма тренда выведена дедуктивно. Иначе говоря, — пишет он, — в ней я пытаюсь разрешить вопрос о том, как можно эмпирически проверить те законы тренда, о которых я писал ... в прошлом году и которые первоначально были установлены мною чисто дедуктивно. Глава эта носит преимущественно математический, теоретико-вероятностный характер” [Кондратьев, 1991б: с. 555–556]. В последующем Кондратьев намеревался написать еще следующую главу — “Абстрактная теория тренда”. То есть можно сделать вывод: Кондратьев хотел написать об абстрактном тренде, вне его конкретных временных рамок, какими бы они ни были — пятидесятилетними, столетними и т. д.

О больших колебаниях. Кондратьев уже написал ряд работ о больших циклах конъюнктуры: “Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время войны и революции” (Вологда, 1922), “Большие циклы конъюнктуры. Доклады и их обсуждение в Институте экономики” (Москва, 1928) и др. Однако следует отметить, что, излагая в них сущность и содержание экономических трендов, он констатировал и факт сопровождения их в циклах иными трендами, например, ростом или снижением количества социально-поли-

тических конфликтов, войн, трудовых конфликтов и т.д. Так, Яковец утверждает, что “Кондратьевские циклы характеризуют не только экономическую, но и социально-политическую динамику” [Яковец, 2002а: с. 722]. Подобные тренды исследовались еще Марксом, а в настоящее время — такими социологами, как Арриги, Модельски, Валлерстайн и многими другими. Исходя из этих трендов пишут о существовании и протекании социально-политических циклов, циклов войн и революций [Яковец, 2002б: с. 19], цивилизационных, сверхдолгосрочных циклов [Яковец, 2002а: с. 722] и т.д. Поэтому следует выяснить, хотел ли Кондратьев в этих книгах расширить и углубить уже изложенную им ранее теорию больших циклов конъюнктуры пятидесятилетнего тренда за счет совмещения исследований экономического, социально-политического и иных трендов длительностью в пятьдесят лет. Возможно, он хотел исследовать более длительный экономический тренд, чем ранее им исследуемый тренд в пятьдесят лет, например вековой тренд, о котором писал Бродель, или еще более длительный экономический тренд? Ответы на эти вопросы весьма проблематичны.

О малых циклах и кризисах. Что подразумевал под этим Кондратьев, тоже проблематично. Понимал ли он под ними “классический” экономический цикл капиталистической экономики, длительность которого является общепризнанной и составляет период пятнадцать-двадцать лет, и “классический” экономический кризис такой экономики, которым этот цикл завершается или начинается? Может, он понимал под ними нечто иное, например цикл Китчина длительностью в три-четыре года? Далее: что означают “малый цикл” и “кризис” — малый по времени или малый в пространстве? Подобного рода вопросы можно ставить и дальше, принимая во внимание при этом, что “классический цикл” и “классический кризис” на тот момент были уже изучены довольно широко и глубоко, им было посвящено немало научной литературы, которой Кондратьев просто не мог не знать. Возможно, он увидел здесь нечто еще не исследованное и значимое?

Вводная общеметодологическая концепция. Как отмечает сам Кондратьев, в черновиках книга такого содержания была написана и передана им из заключения “на свободу”. Речь, видимо, идет о рукописи, написанной в Бутырской тюрьме в 1930–1932 годах и опубликованной в 1991 году под названием “Основные проблемы экономической статики и динамики. Предварительный эскиз”. Исследователь этой рукописи Ю. Давыдов считает ее недописанной [Давыдов, 1991: с. 472], а многие ее главы — лишь набросками текста [Давыдов, 1991: с. 473]. В Суздальском политическом изоляторе Кондратьев, вероятно, хотел развить идеи, изложенные им в этой рукописи, дополнить их новыми мыслями, имеющими, в частности, также философский, общеметодологический характер.

Синтетическая теория социально-экономической генетики или развития. Если идеи и, можно сказать, основное содержание предшествующих четырех книг в той или иной форме в настоящее время известны, то реконструкция идей и содержания пятой книги представляет собой весьма серьезную проблему. Многие исследователи творчества Кондратьева пишут, что он хотел создать или создал новую науку, но какую? Ответы на этот вопрос весьма многообразны, а у некоторых из них даже вариативны.

Интересна с этой точки зрения позиция Макашевой. Во-первых, она считает, что методологической сверхзадачей работы Кондратьева “Основные

проблемы экономической статики и динамики. Предварительный эскиз” было создание основ науки “социальной экономии”, “изучающей общество и хозяйство в целом и в методологическом отношении осуществляющей примирение теоретического и эмпирического подходов”. Это примирение связано, по мнению Макашевой, с принципиально “статистическим” подходом к обществу и хозяйству, понимаемым как большие совокупности людей, которые не владеют адекватной информацией и действия которых “более или менее разнообразны и относительно случайны” [Макашева, 2002: с. 749–750]. Итак, речь идет о новой науке, социальной экономии (с точки зрения Макашевой), не являющейся ни политической экономией в духе Маркса и марксизма вообще, ни экономической теорией в духе австрийской школы или экономической неоклассики. Не сводится она и к идеям либерализма или неолиберализма, к идеям мейнстрима, а более конкретно — Вашингтонского консенсуса. Эта наука, с точки зрения Макашевой, — своеобразный синтез теории и эмпирии, она изучает общество и хозяйство с позиций “статистического” (позитивного, количественного) подхода и в рамках экономической статики.

Однако проблемы экономической статики, как и экономической динамики, можно сказать, интересовали Кондратьева постоянно. Еще в 1924 году он писал: “Под *статической* мы понимаем теорию, которая рассматривает экономические явления по существу, вне категории изменения их во времени. Наоборот, под *динамической* мы понимаем ту теорию, которая изучает экономические явления в процессе их изменения во времени. В соответствии с этим для статической точки зрения на экономическую действительность особо характерной является концепция равновесия взаимно связанных между собой элементов этой действительности” [Кондратьев, 2002: с. 10].

Во-вторых, Макашева считает, что Кондратьев ставил перед собой задачу построения экономической динамической теории или теории экономической динамики, которая должна была быть создана на базе экономической статики. Основы последней Кондратьевым были созданы, но дать описание экономической динамики, с ее точки зрения, он не успел. По крайней мере в известных его работах этот факт признавал и сам Кондратьев.

В-третьих, Макашева убеждена, что Кондратьев собирался создать теорию социально-экономической генетики (синтетическую теорию социально-экономической генетики или развития). Так, она пишет: “Еще более интригующим представляется понятие “социально-экономической генетики”, о котором ничего не известно, кроме того, что так Кондратьев обозначал теорию, которая должна была стать, но, увы, не стала, завершающим этапом его исследования экономической динамики и развития” [Макашева, 2002: с. 750].

То есть Макашева пишет о трех новых возможных науках, которые, возможно, хотел создать или создал Кондратьев: социальной экономии, экономодинамике, социально-экономической генетике.

О некой “социальной экономии” Кондратьева пишет и Давыдов. С его точки зрения Кондратьев собирался в серии из пяти книг “систематически изложить свое понимание фундаментальных проблем политической экономии (чтобы подчеркнуть особенности своего подхода к ней, он предпочитал называть ее не политической, а “социальной экономией”)” [Давыдов, 1991: с. 453]. При этом свою рукопись, написанную в Бутырской тюрьме в 1931 году, Кондратьев (как отмечает Давыдов) называл вводной методологической

частью замысливаемого им систематического изложения, то есть “социальной экономии” в целом. Эта рукопись 1931 года была издана в настоящее время под названием “Основные проблемы экономической статики и динамики. Предварительный эскиз”. Как утверждает Давыдов, “внимательное чтение рукописи Н.Д.Кондратьева убеждает, что здесь он заходит гораздо дальше, чем предполагал, делает гораздо больше, чем обещал. В результате его “общеметодологическое введение” мало-помалу превращается в изложение оригинальной версии — условно ее можно было бы назвать “вероятностно-статистической” — *философии социальных наук вообще* (курс. мой. — В.К.), а не одной только “социальной экономии”. И сегодня этот “вводный” кондратьевский труд читается одновременно как своеобразное введение во все его творчество и как весьма оригинальная попытка если не дать, то наметить решение важнейших теоретико-методологических проблем социальной науки, над которыми до сих пор бьется наш XX век” [Давыдов, 1991: с. 454–455].

Как видим, точка зрения Давыдова отличается от позиции Макашевой. Так, Давыдов считает, что Кондратьев стремился в основном создать и создал некую науку “социальную экономию”, по своему содержанию являющуюся оригинальной формой политической экономии, но, излагая ее “общеметодологическое введение”, он зашел “гораздо дальше”, чем предполагал, и, по существу, создал оригинальную версию философии социальных наук вообще. То есть на основании того, что известно, можно сказать, что Кондратьев построил не некую новую науку — “социальную экономию” или экономическую динамику; он создал философию социальных наук вообще. Создание этой философии и является, с точки зрения автора данной работы, третьим направлением его научной деятельности на третьем этапе его научного творчества.

Третье направление. В своих письмах из Суздальского политического изолятора, например, от 12 февраля 1932, 25 февраля 1932, 25 июля 1932, 20 октября 1932 и др., Кондратьев постоянно констатирует, что продолжает работать над рукописью, которая им передана уже “на свободу” [Кондратьев, 1991б: с. 535, 536, 537, 738 etc.], то есть над “общеметодологическим введением” к “социальной экономии”, ставшим, с точки зрения Давыдова, философией социальных наук.

В этом плане представляется весьма интересной позиция Давыдова относительно творчества Кондратьева на его третьем этапе в рамках отмеченных выше второго и третьего направлений. Раскрывая свою мысль относительно создания оригинальной версии философии социальных наук, Давыдов утверждает, что первая часть упомянутой рукописи (книги) Кондратьева, “посвящена проблематике, находящейся на границе политэкономии (автор упорно называет ее “социальной экономией”) и философии, с одной стороны, и политэкономии и социологии — с другой” [Давыдов, 1991: с. 455]. В этом варианте позиция Давыдова не столь однозначна, можно сказать, даже противоречива. Ее можно проинтерпретировать следующим образом: указанный раздел является междисциплинарным, он представляет собой некий симбиоз политической экономии (“социальной экономии”), философии и социологии, то есть этот раздел уже не понимается Давыдовым строго однозначно как философия социальных наук. Более того, он считает, что в этом разделе Кондратьев излагает лишь социально-философские предпосылки своей общей теории социальной экономии, то есть в понимании Да-

выдова — классической политэкономии. Или иначе — данные социально-философские предпосылки представляют собой лишь вводную, методологическую (не самостоятельную) часть классической политической экономики в версии Кондратьева, то есть недостаточную философию социальных наук. При этом Давыдов подчеркивает: “Определяя политэкономии таким образом, он (Кондратьев. — *В.К.*) отстаивал ее понимание как социальной науки, более того — как части социологии. Ибо социальная экономия, по его убеждению, так же как и социология, имеет объектом своего изучения общество в целом” [Давыдов, 1991: с. 455].

В этом суждении Давыдова представляются важными два момента. Во-первых, Давыдов не дает однозначного ответа на вопрос, какую новую науку или оригинальную версию какой науки создал Кондратьев. Что это — философия социальных наук вообще, “социальная экономия” (общая теория социальной экономики) как форма политической экономики, часть общей социологии, часть или в целом вариант более широкой социальной науки? Во-вторых, как считает Давыдов, с точки зрения Кондратьева, и социальная экономия (политэкономия), и социология имеют “объектом своего изучения общество в целом”. Именно поэтому для Кондратьева, полагает Давыдов, весьма важно понять, *что же такое общество*.

При этом весьма верным является уточнение Давыдовым понимания Кондратьевым общества как объекта различных наук: для социологии объектом является “общество в целом”, общество “как таковое”, для социальной экономики (политэкономии) — общество как хозяйство.

К решению очерченной проблемы (что есть общество?) Кондратьев подходит через свое понимание и уточнение ответов на вопросы о целях и задачах науки вообще и науки социальной в частности, включая социологию, об их объекте и предмете.

Объект и предмет науки

Как утверждает Кондратьев: “Непосредственной задачей науки как таковой служит задача познания мира” [Кондратьев, 1991б: с. 7]. Ее объектом познания является мир как объективно данная, бесконечно изменчивая и многообразная действительность, в том числе и социальная.

В наиболее общем виде процесс научного познания, с точки зрения Кондратьева, состоит в первую очередь из постановки более конкретных целей и решения более конкретных задач, таких как: а) дифференцирование объективной действительности; б) сопоставление явлений между собой; в) установление их тождественных и различных свойств; г) классификация явлений; д) образование научных понятий, адекватных установленным классам явлений. На эти пять задач познания Кондратьев указывает прямо, их можно назвать основными или первостепенными, но далее из текста следует, что он пишет и о неких иных задачах, которые весьма условно можно назвать второстепенными, производными от первых. К ним можно отнести, например, выявление *нарастания* свойств (признаков) явлений одного класса при их переходе к другому классу явлений. Следует подчеркнуть и отметить, что Кондратьев считает: “Отдельные классы явлений находятся в различной степени близости к другим, и степень этой близости их бесконечно варьирует. И во всяком случае, определенные классы явлений не имеют

строгих разграничительных линий между собой” [Кондратьев, 1991б: с. 8]. Это означает, что возможен переход явлений одних классов к явлениям других. Как следствие задачами познания становятся: установление степени близости классов и их явлений; выявление вариантов этой близости; нахождение границ сопредельных классов и их явлений; фиксирование и установление отмеченного выше перехода; установление вариантов этого перехода; выявление нарастания, как отмечено выше, свойств (признаков) или вообще возникновения новых свойств явлений при их переходе от явлений одного класса (подкласса) к явлениям другого класса (подкласса, частного и специального классов).

Автор данной работы специально выделил термин “нарастание”, так как в последующем тексте будет неоднократно присутствовать повторение некоторых словосочетаний, понятий, терминов, вроде бы тождественных, но различных по существу. Это связано с накоплением как свойств явлений, так и знаний о них. Это довольно специфический метод познания действительности, используемый Кондратьевым. Конечно, он характерен не только для него, это общий метод познания, но у него он приобретает специфическую форму.

Кондратьев полагает, что на современном ему уровне развития (время написания работы — 1931 год) наука различает пять наиболее широких и общих классов явлений действительности: мир величин, мир физико-химических явлений, явления органической, психической и социальной жизни. “Каждый из этих общих классов разлагается, далее, в свою очередь и последовательно на разветвляющуюся систему постоянно сужающихся более частных и специальных классов и подклассов” [Кондратьев, 1991б: с. 8] тех или иных явлений. Однако и общие классы, и входящие в них частные и специальные классы и подклассы — каждый из них — объединяют в себе группы явлений, обладающих определенными общими признаками. Эти признаки сближают данную группу явлений данного класса или подкласса и придают им некую внутреннюю однородность и организованность в рамках данного класса или подкласса, а также позволяют отличать данные явления и класс (подкласс) от других классов (подклассов) и других явлений. Именно наличие у каждого класса и входящих в него явлений неких общих свойств (признаков) делает их объектом изучения отдельной особой науки или группы наук.

Поскольку каждый указанный выше класс и явления, в него входящие, обладают общими им всем признаками (свойствами), они являются объектом изучения некой *общей* науки, исследующей данный класс явлений, или некой групп наук. К ним Кондратьев относит математическую группу наук (общая наука — математика), физико-химическую группу (физика, химия), группы биологических, психологических и социальных наук. То есть (что представляется весьма важным для последующего анализа) он не относит психологию и всю группу психологических наук к наукам социальным, которые включают в себя науки экономические, в том числе политэкономии (“социальную экономию” в трактовке Кондратьева, согласно Давыдову).

Весьма важно также отметить, что, как считает Кондратьев, “ввиду специфического характера изучаемых ими объектов каждая из этих групп наук работает в той или иной мере своими методами, образует свои понятия, свои классификации, устанавливает свои закономерности” [Кондратьев, 1991б: с. 9]. То есть необходимыми и обязательными элементами любой науки яв-

ляются не только ее некий объект, отличный от объектов других наук, но и ее собственный метод или методы, отличные от методов других наук. Кроме того, с точки зрения Кондратьева, понятия одной науки и установленные в ее рамках “законы не могут быть выражены в понятиях и законах каких-либо других наук” [Кондратьев, 1991б: с. 9–10]. Каждый общий класс включает в себя частные и специальные классы и подклассы, которые изучаются с разных точек зрения (и разными методами), а значит являются объектами исследования *специальных* наук.

Кондратьев также указывает, что при переходе от явлений одного класса (подкласса) к явлениям другого класса, то есть при *нарастании* у них тех или иных свойств (признаков) и возникновения новых свойств, ни общая наука, ни специальная, направленная на исследование первого класса (от которого переходят явления), не лишаются своего смысла. Сам факт перехода явлений не свидетельствует об ошибочности выводов и законов, сделанных в их рамках. При этом Кондратьев утверждает, что переход явлений, нарастание их свойств, возникновение новых свойств открывает возможность “двойного способа изображения и интеграции свойств и закономерностей явлений класса”, от которого явления переходят. Во-первых, в терминах и понятиях общей науки, изучающей первый класс, и в терминах и понятиях специальных наук, изучающих подклассы этого класса; во-вторых, в терминах и понятиях общей и специальных наук, изучающих класс, к которому явления переходят (специальные науки используют понятия “своей” общей науки). С точки зрения Кондратьева, последний способ является “более общим и в этом смысле более совершенным, в то время как первый способ был бы более конкретным и более наглядным” [Кондратьев, 1991б: с. 10].

Существует ли противоречие в размышлениях Кондратьева? С одной стороны, он пишет, что понятия и законы одной науки не могут быть выражены в понятиях и законах иной науки. С другой стороны, он заявляет о возможности “двойного способа изображения” свойств и закономерностей явлений одного класса при помощи терминов наук, посвященных как классу, от которого переходят, так и классу, к которому переходят явления, иначе говоря, в терминах разных наук.

Вероятно, наиболее простой ответ на данный вопрос состоит в том, что в первом случае он пишет о понятиях и законах, то есть об области гносеологии, теории познания. Во втором случае Кондратьев пишет о закономерностях и явлениях, то есть о реальности, а не о познании, об области онтологии. Сам Кондратьев специально не указывает на это принципиальное различие. Что это, научная небрежность, неточность или его расчет на соответственно подготовленного читателя? Не поэтому ли он постоянно стремился дописать эту работу, постоянно возвращался к ней в Суздальском политизоляторе, стремился уточнить, дополнить ее?

Можно предположить и более сложный ответ. Такое изложение текста — параллельное и одновременно смешанное изложение решения сопряженных проблем онтологии и гносеологии — является характерным свойством одного из ряда специфических методов познания Кондратьева, а также одного из методов построения им своего научного текста. Как отмечалось выше, он считал одним из обязательных и необходимых элементов любой науки ее специфический метод, отличный от методов других наук. Поэтому представляется, что установление специфических методов научных иссле-

дований Кондратьева, их описание и характеристика является одной из важнейших задач исследования его творчества.

На вопрос о противоречивости размышлений Кондратьева (а они также встречаются и в других частях как исследуемого текста, так и иных его работ) можно предложить и иные ответы. Во-первых, сама эта противоречивость представляет собой скорее не их недостаток, а преимущество, она закономерна, необходима и является свидетельством перспективности проводимого исследования и т.д. Во-вторых, Кондратьев в качестве одной из своих базовых предпосылок познания использует идею о внутреннем единстве мира и внутреннем единстве научного знания о мире, то есть и о единстве наук и их понятий. (Впрочем, возможны и иные ответы на указанный выше вопрос.)

Итак, с точки зрения Кондратьева, существуют общие науки, или некие группы наук, и науки специальные. Объектом изучения первых являются классы явлений (их пять), обладающие общими для них всех свойствами (признаками); то есть явления имеют общую для них природу — как выражается Кондратьев, “общую природу объекта”.

Если более конкретно, объектом любой науки — и общих, и специальных — является “прежде всего *совокупность* определенных элементов” (курс мой. — В.К.) [Кондратьев, 1991б, с. 14], имеющих общие признаки. Каждая совокупность, каждый объект познания имеет свое строение, свою структуру, составные части. При этом Кондратьев дает несколько различных определений совокупности (опять же в силу специфики его метода). И то, как Кондратьев решает проблему совокупности в качестве объекта науки с целью установления сущности общества, то есть объекта социальных наук, и то, как может быть выражено знание о нем, — составляет отдельный круг вопросов, которые подробнее будут освещены в последующих публикациях.

Источники

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. / Бродель Ф.; пер. с франц. Л.Е. Кубеля. — М.: Прогресс, 1992. — Т. 3. — 680 с.

Вебер М. Избранные произведения / Вебер М., пер. с нем. — М.: Прогресс, 1990. — 808 с. — (Серия: Социологическая мысль Запада).

Громов И.А. Западная социология / Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А. — СПб.: Ольга, 1997. — 372 с.

Давыдов Ю.Н. Н.Д. Кондратьев и вероятностно-статистическая философия социальных наук / Ю.Н. Давыдов // Основные проблемы экономической статистики и динамики: Предварительный эскиз / Кондратьев Н.Д. — М.: Наука, 1991б. — С. 453–524.

Ефимкин А.П. Дважды реабилитированные: Н.Д. Кондратьев, Л.Н. Юровский / Ефимкин А.П. — М.: Финансы и статистика, 1991. — 224 с.

Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения // Избранные труды / Кондратьев Н.Д. — М.: Экономика, 2002. — 767 с.

Кондратьев Н.Д. Основные проблемы экономической статистики и динамики: Предварительный эскиз / Кондратьев Н.Д. — М.: Наука, 1991б. — 567 с. — (Серия: Социологическое наследие).

Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики / Кондратьев Н.Д. — М.: Экономика, 1989. — 526 с. — (Серия: Экономическое наследие).

Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции / Кондратьев Н.Д. — М.: Наука, 1991а. — 487 с.

Корицкий Э.Б. Николай Дмитриевич Кондратьев (1892–1938) / Э.Б. Корицкий // Каким быть плану: дискуссия 20-х годов : статьи и современный комментарий. — Л. : Лениздат, 1989. — С. 78–94.

Леонтьев В. Экономическое эссе. Теории, исследования, факты и политика / Леонтьев В. ; пер. с англ. — М. : Политиздат, 1990. — 415 с.

Макашева Н.А. Первая книга Н.Д. Кондратьева о конъюнктуре и некоторые проблемы исследования экономического цикла / Н.А. Макашева // Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды / Кондратьев Н.Д. — М. : Экономика, 2002. — С. 737–750.

Паллавичини Дж. Приветствие. К X Кондратьевским чтениям, посвященным 110-летию со дня рождения Н.Д. Кондратьева и 10-летию Международного фонда Н.Д. Кондратьева / Дж. Паллавичини // Подвиг жизни и творчества: научное наследие Н.Д. Кондратьева : X Кондратьевские чтения и выставка, посвященные 110-летию со дня рождения Н.Д. Кондратьева и 10-летию Международного фонда Н.Д. Кондратьева. — М. : МФК–ИЭ РАН, 2002. — С. 9–10.

Салицкий А.И. Мировая экономика: время переоценок? / А.И. Салицкий, В.В. Тацкий // Восток (ORIENTS). — 2011. — № 5. — С. 72–83.

Согомонов А.Ю. Судьба и пророчества Питирима Сорокина / А.Ю. Согомонов // Человек. Цивилизация. Общество / Сорокин П.А. — М. : Политиздат, 1992. — С. 5–24.

Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Сорокин П.А. ; пер. с англ. С.А. Сидоренко, А.Ю. Согомонов. — М. : Политиздат, 1992. — 543 с.

Фигуровская Н.К. Н.Д. Кондратьев и российская экономика чрезвычайного времени / Н.К. Фигуровская, В.В. Симонов // Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции / Кондратьев Н.Д. — М. : Наука, 1991а. — С. 3–84.

Яковец Ю.В. Наследие Н.Д. Кондратьева: взгляд из XXI века / Ю.В. Яковец // Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды / Кондратьев Н.Д. — М. : Экономика, 2002а. — С. 708–736.

Яковец Ю.В. Перспективы использования научного наследия Н.Д. Кондратьева / Яковец Ю.В. // Подвиг жизни и творчества: научное наследие Н.Д. Кондратьева : X Кондратьевские чтения и выставка, посвященные 110-летию Н.Д. Кондратьева и 10-летию Международного фонда Н.Д. Кондратьева. — М. : МФК–ИЭ РАН, 2002б. — С. 16–22.

Яновский Р.Г. Суздальские письма Н.Д. Кондратьева / Р.Г. Яновский // Социологические исследования. — 2004. — № 5. — С. 10–17.